МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЖАНР СУММЫ
И “БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ” ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

© 2014 г. А. В. Топорова

В статье рассматриваются средневековые суммы как особый литературный жанр, обладающий определенными содержательными и формальными характеристиками, такими как “коллекционирование знаний” по заданной теме, строгая классификация материала, ссылка на авторитеты, цель не только практическая, но и нравственная. Возникнув в рамках схоластического метода, сумма, первоначально претендовавшая на “научное” представление материала, постепенно стала расширять сферу своего функционирования, ориентироваться на более широкие круги читателей и даже проникать в область художественного творчества. “Божественная комедия” Данте рассматривается как особая трансформация жанра суммы.

The present article studies medieval *summa* as a literary genre in its own right with well-defined content and formal characteristics such as “collection of knowledge” on a given subject, strict classification of material, references to authorities, and both practical and moral aims. Originating in the scholastic method, the *summa* gradually expanded its range of applications, catering to broader categories of readers and even making its way into literature. The “Divina Commedia” of Dante Alighieri is considered as a special transformation of the genre of *summa*.

Ключевые слова: средневековая западноевропейская литература, поэтика жанра, сумма, схоластический метод, “Божественная комедия” Данте Алигьери.

Key words: Western medieval literature, poetics of genre, *summa*, scholastic method, “Divina Commedia” of Dante Alighieri.

Возникновение и повсеместное распространение схоластического метода в Средние века с его стремлением к обобщению и классификации обширного материала в разных областях знания стало непосредственной причиной появления нового жанра – так называемой суммы¹. Новые европейские народы, пройдя различные стадии отношения к античному наследию, постепенно пришли к убеждению в необходимости использования его достижений и соединения их с христианским вероучением. Согласование античной науки (философии, в первую очередь) с церковным

учением стало непосредственной задачей схоластики, пытавшейся создать синтез христианского богословия и аристотелевской логики. Одним из ее существенных аспектов являлась проблема соотношения общего и единичного, проблема универсалий. Более частной задачей, скорее, не столько теоретической, сколько практической, была попытка привести к некоему единству все многообразие знаний, доставшихся как от античности, так и от раннего христианского периода.

Наиболее яркий выразитель схоластического метода мышления Фома Аквинский пишет в “Сумме теологии” (Сумма богословия, ч. I, вопрос 11, раздел 1): “Ведь каждое сущее может быть простым или составным. То, что просто, неделимо как актуально, так и потенциально, в то время, как составное [обретает бытие] лишь тогда, когда его части сходятся и составляют это самое составное, пока же его части разделены, оно лишено бытия. Отсюда понятно, что бытие всякой вещи заключается в ее целостности, т.е. пока она сохраняет единство, она сохраняет и бытие” [3, с. 106]. Единство, совокупность понятий, представлений, знаний в той или иной области неизбежно предполагает наличие некоей класси-

¹ В западном литературоведении принято использовать обозначение “энциклопедии” с добавлением эпитетов “досовременные” или “средневековые”, во избежание путаницы с аналогичным понятием Нового времени. Мы предпочитаем говорить о суммах как типично средневековом жанре, по сути дела, принципиально отличающемся от современного энциклопедического жанра, возникшего в XVIII в. (наиболее яркий пример – Энциклопедия Дидро и д’Аламбера). Кроме того, сами средневековые авторы никогда не употребляли слова “энциклопедия” применительно к своим произведениям; они называли их суммами, компендиумами, компиляциями, зеркалами, сокровищем; часто использовали названия *De natura rerum* (“О природе вещей”) или *De proprietatibus rerum* (“О свойствах вещей”), ставшее почти жанровым обозначением. См. об этом [1; 2].

фикации, при которой каждое положение занимает свое, определенное место в общей структуре, гармонично сочетаясь с другими ее элементами. Недаром понятие пропорции играет столь существенную роль в эстетической системе Фомы. Характерной особенностью схоластического метода является особое внимание к форме, стремление создать систему формальных выводов, обобщающих богатейший практический материал. Именно такая задача и стояла перед средневековыми философами и богословами, видевшими свою цель в систематизации огромного материала, дошедшего до них из античности и требовавшего своего осмысления с точки зрения христианского вероучения.

Осуществление этой задачи связано с жанром суммы. Как литературный жанр сумма формировалась постепенно. Прототипом этого жанра принято считать “Этимологии” Исидора Севильского (VI–VII вв.), сыгравшие исключительно важную роль в передаче античного культурного наследия. В своем труде Исидор дает целостную картину мироздания, раскрывающуюся через названия отдельных предметов. Анализируя название, Исидор раскрывает свойства вещи, а затем подтверждает их примерами. Если относительно “Этимологий” еще нельзя говорить о системности подхода к материалу, то во всяком случае, стремление к связности сведений из отдельных областей знания (богословия, космологии, географии, искусства, культуры) и попытки их упорядочить, выстроить определенный *ordo rerum*, несомненно, присутствуют. Исидор рассматривает классы вещей и явлений как низшей природы (животные, растения, минералы), так и связанных с человеком и его деятельностью (предметы тривиума: грамматика, риторика, диалектика, и квадривиума: арифметика, геометрия, музыка, астрономия, а также механика, или ремесла). Важной особенностью его подхода является то, что он не просто составляет компиляцию, т.е. собирает сведения из различных источников и соединяет их или даже систематизирует, но пытается упростить их, сделать доступными широкому читателю, осуществляет, по словам французского исследователя Б. Рибемона, переход от “ученого знания” к более широкому знанию [2, с. 51; 4, с. 22]. Сам Исидор в прологе к своему произведению уподоблял компилятора торговцу москательными товарами, смешивающему различные вещества и получающему в результате новую субстанцию.

В ранний период существования схоластики (IX–XII вв.) можно говорить не столько о суммах в общепринятом понимании этого термина, сколько о компендиумах, компиляциях по отдель-

ным темам, не претендующих на всестороннее освещение вопроса. В этот период происходит ряд важных изменений в культурной жизни европейских городов. Главное из них – преобразование школ в университеты и появление интеллектуальной прослойки горожан, заинтересованных в знаниях. Появляются переводы с арабского и греческого, вновь открывают философию Аристотеля, знакомятся с арабской математикой и астрономией. Приобретает актуальность некогда высказанная Августином мысль о необходимости изучения наук для лучшего понимания Священного Писания. В связи с этим возрастает потребность освоения знаний, накопленных предыдущими поколениями, и, соответственно, его обобщения и организации. В университетах того времени существовало три приема работы с текстом – чтение (*lectio*), вопрошание (*quaestio*), подведение итогов (*summa*). Последний из них предполагал системность, краткость и полноту выводов [5, с. 23–45]. Все эти свойства перешли и к сумме как литературному жанру.

XIII в. принято, вслед за Ле Гоффом [6, с. 25], называть веком энциклопедизма. Именно тогда было создано подавляющее большинство средневековых сумм, выработался характерный “энциклопедический” стиль, сформировались критерии жанра (постоянные характеристики, присутствующие во всех сочинениях этого типа, хотя и не фиксируемые их авторами как таковые). Вместе с тем средневековые суммы весьма разнообразны по объему, содержанию, целям, которые ставит автор, форме, названиям [7, с. 281]. В первой половине XIII в. появляется “Сумма богословия” Александра Галеса, главное отличие которой от предшествующих работ с аналогичным названием заключается в существенном расширении рассматриваемого материала: автор дает обоснование церковным догматам, используя всю философию Аристотеля, а не только его логику, как это делалось ранее. Французский богослов того же времени, Филипп Канцлер, в своей “Сумме о благе” (“*Summa de bono*”, 1225–1228 гг.) опирается не только на Аристотеля и Боэция, но и на малоизвестные тогда имена современных ему философов. Постепенно переход от фрагментарности к целостности, стремление к энциклопедичности и научности становятся фундаментальными характеристиками средневековых сумм. Наряду с богословскими, философскими, логическими суммами (“Сумма теологии” Альберта Великого, “Сумма против язычников” и “Сумма теологии” Фомы Аквинского, “Сумма логики” Оккама) появляется огромное количество сумм о природе. Альберт Великий пишет “Сумму о тва-

рях”. Александр Неккам сочиняет стихотворную “Хвалу божественной мудрости”, описывающую в десяти книгах небо, воздух, море, землю, недра, растения, животных и человека, а затем создает ее краткий вариант “О природе вещей”. С таким же названием появляется сочинение Фомы из Кантимпре. Варфоломей Английский пишет труд “О свойствах вещей”, а Жан Корбешон переводит его на французский язык. Винсент из Бове сочиняет “Зерцало великое”, Брунетто Латини создает на французском свое “Сокровище”, которое сразу же переводится на итальянский. И это далеко не полный перечень того, что было создано в жанре суммы в XIII в.

Рассмотрим несколько наиболее ярких образцов этого жанра с точки зрения их содержания и формальной структуры. В 40–60-е годы XIII в. был написан впечатляющий по своему объему и замыслу труд – “Зерцало великое” (“*Speculum majus*”). Его автор – доминиканский монах Винсент из Бове, бывший библиотекарем и капелланом при дворе Людовика IX. “Зерцало” состоит из 80 книг и насчитывает без малого десять тысяч глав. Это колоссальная компиляция, самый масштабный в Средние века свод знаний по самым различным вопросам. Термин “зерцало” нередко использовался средневековыми авторами для обозначения книг о природе: книга как зеркало природы, по которой, в свою очередь, можно распознать Божественный замысел. Винсент цитирует более 400 источников – христианских, языческих (греческих и римских), арабских, еврейских. Его цель – собрать, свести воедино, систематизировать всю совокупность мирского и священного знания своего времени. В соответствии с нею Винсент распределяет материал по трем частям. Первая, состоящая из 32 книг, называется “Зерцало природы” (“*Speculum natural*”) и представляет собой свод естественнонаучных знаний из самых разных сфер – космогонии, астрономии, метеорологии, оптики, географии, геологии, земледелия, биологии, анатомии, медицины, алхимии. Вторая часть, “Зерцало науки” (“*Speculum doctrinal*”), в 17 книгах затрагивает вопросы богословия, метафизики, физики, искусства, этики, экономики, политики, логики. Третья часть, “Зерцало истории” (“*Speculum historiale*”), в 31 книге посвящена истории человечества от сотворения мира до 1254 г. Позднее анонимным автором было добавлено “Зерцало морали” (“*Speculum morale*”), представляющее собой краткое изложение “Суммы теологии” Фомы Аквинского.

В начале своего сочинения Винсент предлагает нечто вроде оглавления, обозначая, о чем будет говориться в каждой книге. Материал распреде-

ляется по предметам (темам), иногда используется алфавитный порядок (отметим, что он появляется уже у Исидора Севильского в десятой книге его “Этимологий”). Винсент сравнивает свой указатель с фонариком, освещающим всю книгу и помогающим ориентироваться в ней. Однако следует иметь в виду, что средневековые суммы предполагалось читать не выборочно, в отличие от современных энциклопедий, а полностью и подряд, дабы получить целостное представление о мире и человеке. Об этом пишет, в частности, Варфоломей Английский в прологе к своей сумме “О свойствах вещей”. В “Зерцале великом” очевидно сознательное организующее начало, стремление автора запечатлеть иерархию природы, как ее создал Бог, соблюдая определенную последовательность изложения материала. Винсент достиг в своем труде нового уровня обобщения, создав своеобразную энциклопедию, предлагающую средневековому читателю сумму знаний о мире, человеке, Боге, изложенную в доступной форме, в систематизированном виде и со ссылками на авторитеты. Но задача Винсента не ограничивается простым “коллекционированием знаний”, она шире – показать путь от невежества и греха к мудрости и добродетели, от немощи к могуществу [8, с. 168–169], в конечном счете, к спасению.

“Сумма теологии” Фомы Аквинского – это вершина жанра, цвет схоластики, сумма по преимуществу. Созданная для студентов-богословов, она излагает в предельно емком и систематизированном виде соответствующий материал: богословие, онтологию, антропологию, гносеологию, этику, эстетику. В обобщенном виде можно сказать, что содержание “Суммы теологии” составляет наука о Боге, человеке, сотворенном мире, отношении человека к Богу и путях спасения, представленная в мельчайших деталях. Разработанность деталей обеспечивается формальной структурой, при которой всестороннее рассмотрение вопроса приобретает поистине виртуозный характер. “Сумма” состоит из трех частей (причем вторая состоит из двух частей), которые, в свою очередь, делятся на вопросы, а вопросы – на артикулы (главки). Анализируемая проблема выносится в заглавие, на нее дается два противоположных ответа, затем предлагается ее решение с доказательством и ответом на противоположные аргументы. Чаще всего Фома обращается к наследию Аристотеля, Августина, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Боэция. Фундаментальные понятия складываются из ответов на конкретные вопросы. В результате “Сумма теологии” включает в себя 38 трактатов, 612 вопросов, 3210 глав и около десяти

тысяч аргументов. Метод, используемый в этом фундаментальном труде и заключающийся в применении философских понятий и схем мышления к христианскому вероучению, способствует достижению поставленной задачи: сделать содержание веры доступным разуму, примирить веру и знание, возвести единичное к общему. Именно эти характеристики и стали основополагающими для жанра средневековой суммы.

Примечательно, что сумма, возникшая как “ученое” сочинение, хотя и адресованное достаточно широкому кругу образованных читателей, постепенно стала раздвигать границы своего функционирования, переходя с латыни на народные языки и ориентируясь на более широкую аудиторию. В этом отношении примечательно сочинение флорентийского политика и писателя Брунетто Латини “Сокровище”, написанное на старофранцузском, поскольку писалось оно во Франции в период пребывания его автора в изгнании (“*Li livres dou Tresor*”). Известно, что Данте считал Брунетто Латини своим учителем и посвятил ему трогательные строки в “Божественной комедии”:

Во мне живет, и горек мне сейчас
Ваш отчий образ, милый и сердечный,
Того, кто наставлял меня не раз,
Как человек восходит к жизни вечной
(“Ад”, XV, 82–85).

“Сокровище” Брунетто Латини состоит из трех книг, первая из которых содержит исторический очерк начиная с библейских событий и до битвы при Монтаперти в 1260 г., а также сведения из астрономии, географии, физики, медицины, архитектуры и бестиарий; вторая посвящена вопросам этики, анализу пороков и добродетелей (с опорой на аристотелевскую “Этику”), а третья – риторике и политике (она включает в себя перевод цicerоновского трактата “О нахождении”). Как указывает автор в прологе, в его задачи входило создать краткую сумму (т.е. не полное, а выборочное воспроизведение источников) методом компиляции и извлечения из всех частей философии. Сочинение Брунетто пользовалось огромной популярностью, почти сразу оно было переведено на итальянский язык, а затем и на другие языки: испанский, каталонский, латинский. Успех “Сокровища” объясняется, похоже, не только предпочтением народного языка латыни и, соответственно, его доступностью более широкому кругу читателей. Вспомним, что появившийся в 1282 г. трактат Ристоро д’Ареццо “Устройство мира” (“*Composizione del mondo*”), написанный на итальянском и содержащий целый ряд далеко небезынересных сведений из

области географии, геологии, астрономии, такой популярностью не пользовался. И дело отнюдь не только и не столько в большей энциклопедичности “Сокровища”, сколько в установке его автора учитывать современные ему тенденции мышления и общественной жизни. Особенно отчетливо это проявляется в третьей части трактата, где Брунетто Латини анализирует жизнь итальянской коммуны, в которой он принимал столь активное участие и которая была знакома ему в малейших деталях. Казалось бы, такое ограничение итальянской действительностью вредит энциклопедическому характеру сочинения, однако именно описание, основанное на собственном опыте, и объясняет его популярность.

Еще одним важным моментом является установление связи между политикой и риторикой, которая рассматривается Латини не как вспомогательное средство выражения политических идей, а как мощный рычаг, приводящий к их воплощению. Именно в новом статусе, который Латини приписывает слову, и заключается, по мнению М.Л. Андреева, влияние Брунетто Латини на Данте: «Что касается Данте, то можно полагать, что наставничество Латини, существенно для него важное, заключалось в указании именно на универсальную природу искусства слова, на его непосредственную связь с делом и деянием: ибо и слово “Божественной комедии” замышлялось как дело, как акт гражданского служения, и в дело стремилось воплотиться» [9, с. 273–274]. Такая ориентированность на действительность, стремление не просто представить “безличный” свод знаний, а применить их к повседневной жизни и делает сочинение Латини столь привлекательным для его современников. Примечательно в этом отношении заявление Латини, сделанное им в разделе “Поучения о пороках и добродетелях” о том, что главное – это мудрость, что именно она должна править жизнью, что она дороже любого сокровища, и ничто не может сравниться с ней. Только мудрость может заставить человека следовать справедливости. Это рассуждение может показаться малооригинальным, однако здесь мудрость описывается не как абстрактная добродетель, а как средство установления справедливости, в том числе и не в последнюю очередь, в общественной жизни. Эта идея также могла быть близкой Данте. Уже в “Пире” восхваление философии, человеческого стремления к познанию переходит в рассуждения политического характера – о природе и задачах государственной власти. А в “Монархии” необходимым условием функционирования потенциального интеллекта, совокупности всех индивидуальных интеллектов, который Данте

рассматривает как вершину познания, является единство, в том числе и политическое. Отголосок этих идей звучит и в “Божественной комедии”.

Три рассмотренных произведения – “Зерцало великое” Винсента из Бове, “Сумма теологии” Фомы Аквинского и “Сокровище” Брунето Латини – будучи очень разными по своему содержанию, форме, стилю, обладают тем не менее рядом существенных общих характеристик, которые позволяют говорить об их принадлежности к жанру суммы. Это, прежде всего, тенденция к максимально масштабному охвату материала по определенной теме, своеобразное коллекционирование знаний в заданной сфере; широкая опора на авторитеты; строгая классификация материала, целью которой является сведение многообразия к единству; научность подхода, понимаемая не столько как оригинальность и новизна, сколько как систематизация всего, что было сказано на заданную тему. Цель суммы определяется не как просто утилитарная, а как нравственная, онтологическая в перспективе. Эти характеристики свойственны и другим многочисленным произведениям этого жанра², игравшего важную роль в средневековой словесности.

Прежде всего следует отметить, что наряду с глобальными суммами в Средние века были распространены и так называемые “малые суммы” – трактаты по отдельным областям знания. Большой популярностью пользовались малые суммы по логике (“*Summulae logicales*”) Петра Испанского, ставшего впоследствии папой Иоанном XXI (они использовались как дидактический материал для преподавания в школах). К числу малых сумм можно отнести и бестиарии, лапидарии, суммы примеров, суммы пороков и добродетелей. Иллюстрированные сборники статей о животных, реальных и вымышленных (бестиарии) и камнях (лапидарии) преследовали, в первую очередь, аллегорические и нравоучительные цели. Авторы бестиариев и лапидариев (реже флорилегиев) пытались через животных и камни (или растения) разгадать замысел Божий о человеке, установить связи между миром земным и миром небесным [11; 12]. Именно поэтому средневековые проповедники часто прибегали к примерам из них. В помощь проповедникам создавались и многообразные суммы примеров (*exempla*), сравнений (как, например, сборник “Сумма примеров и подобий”, “*Summa de exemplis et similitudinibus perutilis praedicatoribus*”, доминиканца Джованни да Сан Джиминьяно), а также суммы пороков и

добродетелей. Доминиканцу Гийому де Пейро, проповедовавшему в долине Роны, принадлежит сочинение под названием “Сумма пороков и добродетелей” (“*Summa de vitiis et virtutibus*”), ставшее одним из самых популярных в Средневековье пособий по нравственному богословию. Каждый порок и каждая добродетель подробно рассматриваются автором, анализируются их причины и проявления, указываются способы борьбы с пороками и пути следования той или иной добродетели. Сочинение с таким же названием было написано итальянским автором Гвидо Фава, а также оксфордским францисканцем Иоанном Галльским; другой францисканец, Сервасанто да Фаенца, назвал свое сочинение “Книгой о добродетелях и пороках” (“*Liber de virtutibus et vitiis*”) [13, с. 12–15].

Кроме того, будучи первоначально сочинением прикладного характера с отчетливо выраженными эпистемологическими и дидактическими задачами, со временем сумма начинает проникать в сферу художественного творчества. Авторы художественных произведений нередко пользуются дискурсом суммы, ее специфическим стилем. Такие “ученые вставки” (*insertion savante*), по словам Рибемона, изучавшего с этой точки зрения произведения французских средневековых авторов (Жана де Мена, Кристины Пизанской и других) [10], мы встречаем у многих средневековых авторов.

Особый интерес представляет в этом отношении “Божественная комедия” Данте Алигьери. Ее можно рассматривать не просто как пример влияния жанра суммы на другие литературные жанры, а как своего рода сумму, но не естественнонаучную, не философскую или богословскую, а как художественную сумму, творчески осмысляющую и преображающую всю совокупность средневековых знаний. “Божественная комедия” – это своеобразная “энциклопедия” средневековой жизни, объединившая и творчески переработавшая знания из самых разных сфер – космогонии, астрономии, богословия, этики, эстетики, истории, литературы, а также быта³. Свое видение загробного мира Данте представляет на редкость конкретно и наглядно; в отличие от своих предшественников в этом жанре он создает целостную картину устройства мира, в которую включен и загробный мир, являющийся частью

² Более подробно о жанровых особенностях средневековых сумм см. [1; 2; 10].

³ Об энциклопедизме Данте написано немало работ; отметим наиболее ранние из них – [14] и совсем недавние – [15]. Задачей настоящей статьи является анализ не энциклопедического пафоса дантовской поэмы, а конкретных жанровых особенностей, общих для “Комедии” и сумм.

этого целого. Он связан с реальным земным пространством: воронка в северном полушарии включает в себе девять кругов ада; гора в центре южного полушария приютила чистилище; небеса, опоясывающие землю, – рай. Данте строит свое мироздание исходя из тех научных представлений, которые господствовали в его время, прежде всего, основываясь на представлениях Птолемея. Пространство загробного мира представлено в мельчайших подробностях, как если бы Данте и в самом деле его видел перед собой. Немало в поэме и географических сведений, относящихся в первую очередь к Италии. Упоминание в поэме исторических событий и персонажей создает широкий исторический фон. Что касается литературы, то здесь представлена античная поэзия (причем отнюдь не только в лице Вергилия), французская (вспомним упоминания о Ланселоте), провансальская (Арнаут Даниэль), итало-провансальская (Сорделло), современная Данте итальянская с ее наиболее яркими персонажами (Гвиницелли, Кавальканти, Чино да Пистойя), течениями (новый сладостный стиль получает свое теоретическое обоснование именно в “Комедии”; комическая поэзия присутствует в связи с Форезе Донати) и проблемами (вопрос о сущности поэзии, о языке, стиле). Политика – как в общих идеях – начиная от близкой сердцу Данте мечте о единой монархии – так и в конкретных событиях и персонажах (Фридрих II, Вильгельм Сицилийский, Манфред, Карл Анжуйский, Генрих VII, Фарината дельи Уберти, Уголино делла Герардеска и т.д.) также присутствует в “Комедии”. Включение в “Комедию” своих современников, порой совсем неизвестных, как, например, чревоугодника Чакко, предсказавшего Данте-персонажу изгнание (“Ад” VI, 64–72), или судьи-взяточника Фацио деи Морубальдини из местечка Синьи в окрестностях Флоренции (“Рай” XVI, 57) и упоминание об обычаях (например, о веронских состязаниях в беге голышом, “Ад”, XV, 122–124) и поверьях (например, о том, как бобр ловит рыбу, “Ад”, XVII, 22) доносит до нас отголоски средневековой повседневной жизни.

Но, конечно, основной раздел дантовской “суммы” – богословско-этический. Создавая грандиозную картину загробной жизни, Данте распределяет своих героев по разным царствам – аду, чистилищу, раю, исходя из предложенного Аристотелем в “Никомаховой этике” соотношения вины и наказания, заслуг и вознаграждения, в интерпретации Фомы Аквинского. Классификация грехов в аду опирается на аристотелевское деление: на грехи невоздержания (сюда Данте относит сладострастие, чревоугодие, скупость-рас-

точительность, гнев), грехи насилия (у Данте – насилие над ближним и его достоинством, насилие над собою и своим достоинством, насилие над божеством, над естеством, над искусством) и грехи обмана (у Данте – обман недоверившихся, обман доверившихся). Из этой классификации выпадают, по понятной причине, еретики, помещенные в шестой круг ада (Аристотелю грех богоотступничества был неизвестен).

Вторую кантику “Божественной комедии”, “Чистилище”, можно рассматривать как своего рода художественное выражение, иллюстрацию соответствующего богословского понятия, тем более, что чистилище как догмат было утверждено на Лионском соборе в 1274 г., т.е. всего за несколько десятилетий до создания “Божественной комедии” (хотя, разумеется, в народном веровании чистилище присутствовало намного раньше). Чистилище – это место покаяния и очищения. Процесс покаяния осуществляется через физическую боль и нравственные страдания. В чистилище представлено святоотеческое деление грехов. На семи уступах холма, приютившего это царство, грешники искупают семь смертных грехов, расположенных в соответствии с делением, представленном в “Моралиях” Григория Великого: гордость, зависть, гнев, уныние, скупость, чревоугодие, сладострастие. Данте воспроизводит и иллюстрирует богословскую систему: как в сочинениях отцов Церкви, в “Чистилище” грехам противопоставлены добродетели (гордости – смирение, скупости – щедрость, сладострастие – целомудрие и т.д.), примеры которых почерпнуты из самых различных источников: из Священного Писания, истории, мифологии, литературы. Вслед за блаж. Августином и Фомой Аквинским Данте дает богословское объяснение греха как любви, имеющей ложную цель, неправильной, т.е. любви ко злу; как недостаточной – любви к истинному благу и как чрезмерной – любви к ложным благам (“Чистилище”, XVII, 91–102).

Дантовский рай состоит из семи сфер, опоясывающих землю и соответствующих семи планетам (согласно Птолемею), управляемым ангельскими чинами (по сочинению “О небесной иерархии” Псевдо-Дионисия Ареопагита); за ними следуют неподвижные звёзды и Эмпирей, где блаженные души созерцают Бога. В изображении рая Данте опирается на идеи христианской мистики в том виде, как они сформулированы в посланиях апостола Павла, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Бонавентуры. В “Путеводителе души к Богу” (“Itinerarium mentis in Deum”) Бонавентура предпринимает попытку анализа восхождения

человеческой души к Богу и соединения с Ним. Он выделяет ступени *extra nos* ‘вне нас’ (у Данте это семь подвижных небес, которым соответствует чувственное познание); *intra nos* ‘в нас’ (у Данте это неподвижные звезды, которым соответствует воображение) и *supra nos* ‘над нами’ (у Данте – Эмпирей, познание разумом). Не случайно, что наставляет Данте в Раю св. Бернард Клервоский, величайший представитель средневековой мистики. Путешествуя по небесным сферам, Данте объясняет целый ряд богословских и философских теорий, бытовавших в его время. И в целом третья кантика “Божественной комедии” представляет собой блестящую художественную иллюстрацию основных положений средневекового мистического богословия.

Цель “Божественной комедии”, как ее определяет сам автор в письме к Кан Гранде делла Скала, при дворе которого он жил в Вероне, – вывести людей из их бедственного состояния к состоянию блаженства, цель – хотя и очень высокая, но, по сути дела, та же, что и у авторов других сумм, стремившихся открыть своим читателям путь от греха и неведения к добродетели и познанию. Вектор движения ввысь задается в “Комедии” и повторяющимся в конце каждой кантики словом *stelle* (‘звезды’; ‘светила’ в переводе Лозинского).

Если средневековые суммы характеризовались четкой структурой и строгой классификацией материала, то теми же особенностями отличается и дантовская поэма. Сто песен (совершенное число) делятся по трем кантикам – Ад, Чистилище, Рай – по 33 песни в каждой (плюс вступительная песнь в первой кантике). Сплошное движение повествования обеспечивается терцинами, цепляющимися одна за другую. О продуманности внутреннего деления и классификации материала по “рубрикам” (кругам ада, уступам чистилища, небесам рая) мы уже говорили. Вспомним известную пушкинскую фразу: «...единый план “Ада” есть уже плод высокого гения» [16, с. 30].

Присутствует в “Комедии” и другая важная черта средневековых сумм – ссылки на авторитеты. Чтобы не перечислять несметное количество прямых и косвенных цитат, ссылок, аллюзий, наводяющих поэму, целесообразно вспомнить слова Мандельштама (“Разговор о Данте”):

“Что же такое дантовская эрудиция?

Аристотель, как махровая бабочка, окаймлен арабской каймой Аверроеса.

...Averrois, che il gran comento feo...

(*Inf.*, IV, 144)

В данном случае араб Аверроес аккомпанирует греку Аристотелю. Они – компоненты одного рисунка. Они умещаются на мембране одного крыла.

Конец четвертой песни “Inferno” – настоящая цитатная оргия. Я нахожу здесь чистую и бесприемную демонстрацию упоминательной клавиатуры Данта.

Клавишная прогулка по всему кругозору античности. Какой-то шопеновский полонез, где рядом выступают вооруженный Цезарь с кровавыми глазами грифа и Демокрит, разъявший материю на атомы.

<...>

И вот, читая песни Данта, мы получаем как бы информационные сводки с поля военных действий и по ним превосходно угадываем, как звучит симфония войны, хотя сам по себе каждый бюллетень чуть-чуть и кое-где передвигает стратегические флажки или показывает на кой-какие изменения в тембре канонады.

Таким образом, вещь возникает как целокупность в результате единого дифференцирующего порыва, которым она пронизана. Ни одну минуту она не остается похожа на себя самое» [17, с. 367–369].

Целостность и дифференциация, о которых упоминает Мандельштам, и есть характерные признаки суммы как жанра. Таким образом, “Божественную комедию” можно назвать поэтической суммой средневековой жизни, знания, мирозерцания. Вместе с тем, говоря о жанровом своеобразии дантовского труда, надо иметь в виду, что “Комедия” является не столько логическим развитием жанра суммы, сколько его трансформацией, синтезом (суммой) разных жанров – комедии в средневековом понимании термина, видения, суммы.

Тесно связанный со схоластическим методом, жанр суммы познал расцвет в век схоластики; когда же, на пороге Ренессанса, ее время закончилось, он также сошел со сцены, оставив тем не менее свое название для обозначения глобальных систематизаций (ср., например, “Сумму технологий” Станислава Лема).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Fowler R.L.* Encyclopedias: definitions and theoretical problems // Pre-modern Encyclopedic texts. Proceedings of the Second Comers Congress. Groningen, 1–4 July 1996. Leiden, Brill, 1997. P. 3–27.

2. *Ribémont B.* On the Definition of an Encyclopedic Genre in the Middle Ages // Pre-modern Encyclopedic texts. Proceedings of the Second Comers Congress. Groningen, 1–4 July 1996. Leiden, Brill, 1997. P. 47–62.
3. *Фома Аквинский.* Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 1–43. Киев: Эльга, Ника-Центр-Москва; Элькор-МК, 2002.
4. *Ribémont B.* La “renaissance” du XIIe siècle et l’encyclopédisme. P.: Champion, 2002.
5. *Glorieux P.* Sommes théologiques // Dictionnaire de théologie catholique. Vol. XIV, p. II. P. 1941.
6. *Le Goff J.* Pourquoi le XIIIe siècle a-t-il été plus particulièrement un siècle d’encyclopédisme? // L’enciclopedia medievale. Atti del convegno, San Gimignano, 8–10 ottobre 1992. Ravenna, 1994. P. 23–40.
7. *De Bouard M.* Réflexions sur l’encyclopédisme médiéval // L’encyclopédisme. Actes du colloque de Caen, 12–16 janvier 1987. Paris, Klincksieck, 1991. P. 281–290.
8. *Шшков А.М.* Средневековая интеллектуальная культура. М., Издатель С.А. Савин, 2003.
9. История литературы Италии. Т. I. Средние века. ИМЛИ РАН, “Наследие”, 2000.
10. *Ribémont B.* Littérature et encyclopédies au Moyen Age. P.: Paradygme, 2002.
11. Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве: Сб. статей / Сост. А. Л. Львова. М.: Intrada, 2012.
12. *Иванюк Б.П.* Дидактические жанры описательной поэзии // “Филологос”. Выпуск № 9, июнь 2011. С. 23–31.
13. *Топорова А.В.* Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению. М.: Тезаурис, 2011.
14. *Reforgiato V.* L’enciclopedia di Dante Alighieri. Firenze, Olschki, 1898.
15. *Baranski Z.G.* Dante fra ‘sperimentalismo’ e ‘enciclopedia’ // L’enciclopedia medievale. Ravenna, 1994. P. 383–404.
16. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Л.: “Наука”, 1978.
17. *Мандельштам О.Э.* Собрание сочинений в 4 т. М.: “Тerra”, 1991. Т. 2.